

— Учитель... — помертвевшими губами тихо позвал юноша. — Наставник, наставник...

— Чжией, что с тобой? — Мужчина, которого тот звал учителем, на вид лет тридцати, был облачен в абрикосово-желтое даосское одеяние. Вышитые по подолу волновые узоры колыхались под проливным дождем, словно настоящая зыбь. — Тебе совсем худо?

— Учитель, не надо... — Сун Чжией ничком лежал на его спине, уткнувшись лицом в шею. Тонкие руки безжизненно обвивали плечи наставника. Мальчик исхудал настолько, что казался обтянутым тонкой рисовой бумагой бамбуковым стеблем, а острые лопатки выпирали, точно бумажный змей на ветру. Сквозь пряди редких, пожелтевших и иссушенных болезнью волос виднелась половина лица, залитая то ли слезами, то ли дождевой водой. — Ваш Чжией с рождения обделен удачей и проклят судьбой. Даже если я переживу эту напасть, впереди ждет следующая, а за ней — новая... Я недостойн того, чтобы вы губили свое будущее и шли ради меня на предательство школы...

— Чжией... — Наставник замер, бережно перехватил почти невесомого юношу и прижал к груди. — Глупый мой Чжией... Если я не смогу спасти тебя сегодня, то и все мое будущее лишится малейшего смысла. Я знаю, что столь легкий путь — это ловушка. Но если бы я боялся ловушек, то никогда не пошел бы против воли всей школы, чтобы принять тебя в ученики.

— Учитель! — разразился рыданиями Сун Чжией. — Если нам и впрямь удастся уничтожить материнского гу и сохранить мне жизнь, я до конца дней буду преданно служить вам. А если Улин сочтет вас отступником и предателем, то пускай моя душа погрязнет в греховой скверне, но я помогу вам сокрушить Улин!

Наставник опешил, его ладонь мелко задрожала:

— Не говори глупостей. Глава Сюэ милосерден ко всему сущему, он ни за что так не поступит.

Сун Чжией перехватил его ладонь и поднял голову. Бледный, изможденный болезнью юноша с тонкими губами и бесцветными бровями смотрел на учителя лихорадочно блестящими глазами. Он прижал свои ледяные губы к краю его ладони, мягко ласкаясь:

— У вас есть я, учитель. У вас все еще есть я...

— Да... у меня есть ты, — дрожь в руке мужчины утихла. Он медленно опустил руки, крепче обнимая больного мальчика. — Только ты... Только ты один.

Стояла тихая ночь начала лета. Ни цикад, ни кваканья лягушек еще не было слышно. Пятна на лунном диске казались зловещими тенями затаившихся тварей, а в шорохе листвы от

налетавшего ветра чудилось шуршание тысяч ползущих лапок.

Миновало три дня с тех пор, как в Улине разразилось бедствие. Когда в Пещере Края Света сжигали первое тело, ученики еще горько оплакивали погибшего соученика. Но когда счет пошел на десятки, все привыкли к висящему в воздухе удушливому запаху пепла. Сил плакать не осталось — люди едва находили в себе силы поднять веки от изнеможения.

Ученики с ног сбились в поисках Чжан Цифэна, попутно истребляя ядовитых тварей. Разбившись на пары, они неусыпно следили друг за другом. Малейшая странность в поведении — и несчастного тут же сдавали Сюэ Линцзину или Фу Цинфэну, после чего уводили в Пещеру Края Света. При первых же признаках заражения участь бедолаги была решена: его убивали без колебаний.

Три дня для заклинателей — лишь краткий миг, однако за это время на лицах всех обитателей школы проступила смертельная усталость. Послания и отчеты писались дрожащей рукой; весь Улин теперь напоминал безумную, обезумевшую от голода змею, пожирающую собственный хвост. Школа уничтожала себя изнутри, из последних сил борясь с заразой. Воздух пропитался тленом и дыханием смерти, а руки каждого выжившего покрылись невидимой кровью.

Сюэ Линцзин по-прежнему нес дозор у Пещеры Края Света. Его клинок все еще хранил бурые следы крови, а земля у входа была испещрена темными потеками. Кровь просочилась в Могилу сокрытого аромата, наполнив воздух тяжелым удушливым зловонием. Лишь персиковые деревья за окном, не ведая о людских страданиях, расцвели за эти дни с небывалой, вызывающей пышностью. И эта слепая красота внушала ученикам Улина, некогда столь гордившимся своими садами, лишь глубокое отвращение.

— Заглядывал ли кто-нибудь сегодня в Пещеру Водного Утеса? — тихо спросил Сюэ Линцзин.

Он не спал уже несколько ночей. Длинные волосы его растрепались, а лицо казалось непривычно бледным, почти прозрачным.

— Проверили, — стоявший перед ним ученик выглядел еще хуже. Левый рукав его халата скрывал руку, покрытую глубокими следами отчаянно впивавшихся ногтей, а на лбу залегла глубокая складка. — Три пика и восемнадцать пещер перевернули вверх дном. Опросили и осмотрели тысячи людей, но никого, кто походил бы на... на Чжан Цифэна, не обнаружили.

— Чуть позже я сам туда схожу, — Сюэ Линцзин крепче сжал в руках Веер Светлого Зеркала и негромко добавил: — Ты измотан. Иди отдохни.

Ученик замялся на миг, а затем нерешительно произнес:

— Глава школы, младший наставник... я хотел бы...

— Говори.

— Я прошу дозволения отправиться в водную тюрьму, чтобы созерцать стену и искупить вину, — ученик опустил на колени. — Рядом со мной сменилось уже двое напарников. И хотя... хотя не я лишил их жизни...

— Иди, — мягко оборвал его Сюэ Линцзин, даже не дослушав. Опустив глаза, он плавно раскрыл веер и больше не смотрел на юношу. — Береги себя от греховной скверны.

Ученик трижды ударил челом оземь, пробормотал еще несколько слов благодарности и поспешно удалился. Сюэ Линцзин некоторое время молча разглядывал шелковый узор Веера Светлого Зеркала, а затем негромко произнес в пустоту:

— Спускайся.

Сидевший на потолочной балке Бессмертный Ши легко, точно пушинка, соскользнул вниз.

— Ну что, глава школы Сюэ, — ухмыльнулся он, — разглядел на своем веере хоть какие-то чудеса?

Сюэ Линцзин промолчал. Шитоу заметил, что губы собеседника зловеще посинели.

— Едва держишься, — Шитоу развел руками. — Мне это Заклятие духовного огня уже поперек горла стоит. Научил бы ты меня парочке смертоносных техник, я бы хоть помог тебе с мелкой сошкой. За эти дни стало ясно: чем слабее у здешней мелюзги совершенствование, тем быстрее их сжирает эта янская нечисть. Ты, глава Сюэ, без преувеличения — последняя надежда всей этой глухомани. Если сгинешь ты, то и школу эту черви сожрут дочиства.

— А где Цинфэн? — спросил Сюэ Линцзин.

— О! — Шитоу фыркнул от смеха. — Я как раз из винных погребов. Сидит там в обнимку с кувшином, ревет в три ручья да лакает без продыху. Пьян в стельку, точно трехсотлетний младенец, но разум у него на удивление чист. Пожалуй, он сейчас в лучшем состоянии, чем ты.

— Выходит, я слабее его, — Сюэ Линцзин слегка расслабил нахмуренные брови. Уголки его губ напряженно дернулись в попытке улыбнуться, но взгляд остался мертвенно-серьезным, прикованным к белому шелковому полотну веера.

— Все чахнешь над своим веером? — Шитоу подошел ближе и заглянул из-за плеча Сюэ Линцзина, пытаясь рассмотреть зеркальную гладь. Покрутившись так и сяк и ничего не обнаружив, он недовольно проворчал: — Дешевая фальшивка. Ни черта в ней не видно.

Сюэ Линцзин замер. Лицо его побелело, словно подернувшись известью. Шитоу уже решил было, что главу поразило Заклятие Обездвиживания, и потянулся толкнуть его, когда тот горько, измученно усмехнулся и хрипло произнес:

— Да, ничего. Не разглядеть, как школа Цаншань сумела отравить нас. Не узнать, кто на самом деле покойся в гробу. Не отыскать, где прячется Чжан Цифэн... Этот Веер Светлого Зеркала создавался как божественный артефакт, способный зреть суть мироздания. А в моих руках он превратился лишь в орудие для убийства собственных учеников. Зачем... зачем он мне? В тот день, когда учитель проходил через Бедствие Вознесения, мне и впрямь следовало...

— Тсс! — испугавшись его слов, Шитоу резко подался вперед и бесцеремонно зажал ладонью рот главы школы. — Боги все видят! Даже не смей продолжать!

Сюэ Линцзин не стал вырываться. Он лишь опустил голову, и во взгляде его затаилась беспросветная тоска, тяжелая, точно грозовые тучи.

— Я пришел сюда вовсе не для того, чтобы выслушивать твои сокрушения, — Шитоу бесцеремонно уселся рядом, закинув ногу на ногу, и выудил из просторного рукава кувшин и пару нефритовых чарок. — Я не Янь Чичэн, тоску нагонять не люблю. Будем пить.

Сюэ Линцзин покосился на кувшин:

— Это же вино Цинфэна.

— Скажем так, подношу Будде чужие цветы, — хохотнул Шитоу.

Сюэ Линцзин лишь покачал головой:

— И вечно ты устраиваешь глупости в самый неподходящий момент...

— Сюэ Сюэ, а ведь ты даже не догадываешься, — нетерпеливо перебил его гость, пропустив упрек мимо ушей и наливая себе чарку. Хотя он и славился бесстыдством, хмель забирал его на удивление быстро — стоило осушить кубок, как на щеках его проступил нежный румянец. — Твоего уровня совершенствования уже давно хватает для вознесения.

Сюэ Линцзин замер в недоумении.

— Тебе не хватает всего одного глотка. Кха-кха! — Шитоу приоткрыл рот, ловя губами прохладный воздух, чтобы остудить обожженный алкоголем язык, после чего протянул недопитую чарку прямо к губам Сюэ Линцзина. — Ну же, пригуби.

— Ты держишь меня за несмышленного младенца? — спросил Сюэ Линцзин.

— Вовсе нет! — обиженно воскликнул Шитоу. — Бисяо ластится к тебе, как к родному, а это верный знак благословения небес. Тебе просто недостает нужного настроения... Понимаешь? Особого чувства!

Он распахнул объятия навстречу ночному ветру из раскрытого окна. Широкие рукава его одеяния взметнулись, черные пряди волос заплясали в воздухе. Зажмурившись от удовольствия, Шитоу уже слегка заплетающимся языком воскликнул:

— Когда ты пьян, весь мир исчезает. Все расплывается, тонет в тумане. Весь Улин оказывается у тебя под ногами, а суэта бренного мира теряет всякую цену... Тебе больше не на кого и не на что опираться: ни на учеников, ни на высокое положение, ни на священное оружие. Не важны ни ветры с облаками, ни бушующее море ци в твоём даньтяне. Обо всем забываешь! Можно уснуть прямо на облаке или шагнуть на само солнце и вознестись к небесам. Именно в этот миг ты и обретаешь свободу. Тебе не хватает лишь этого крошечного шага.

Сюэ Линцзин долго молча всматривался в него, а затем негромко рассмеялся:

— Как складно излагаешь... Но хмель, Шитоу, рано или поздно проходит.

— Верно, — Шитоу хмельно улыбнулся. Его улыбка вышла на редкость мягкой, на щеках показались ямочки. — Твоя греховная скверна слишком тяжела, так что после пробуждения тебя все равно ждет смерть. Но перед кончиной сил на то, чтобы раздавить этих мерзких червей, у тебя точно хватит. — Он вновь подтолкнул к нему чарку. — Попробуешь?

Сюэ Линцзин помедлил мгновение, а затем резким движением выхватил чарку и осушил ее залпом. После чего с лихостью перевернул ее вверх дном, безмолвно показывая, что не оставил ни капли.

— Быть не может... — опешил Шитоу, тихо пробормотав: — И впрямь поверил... Настоящее дитя.

Сюэ Линцзин посмотрел на него, и на его мрачном лице наконец проступила слабая, теплая улыбка.

— Нальем... еще по одной, — спохватился Шитоу.

Он вновь наполнил чарки, и они выпили за бамбуковой ширмой у окна. Шитоу улыбался все шире, а Сюэ Линцзин шумно хватал ртом воздух, обжигаясь крепким вином.

— Да прекрати ты... скалиться, — заплетаясь, проговорил Шитоу. — Тебе же... тебе же совсем не весело...

Глава школы пропустил его слова мимо ушей и налил себе еще. Его рука ощутимо дрожала;

несколько капель вина сорвались с подбородка и потекли за шиворот, нарушая всю его былую благообразность.

— Хватит, — Шитоу перехватил его запястье, не давая сделать новый глоток. — Я ведь... ик... соврал тебе. Просто увидел, как эта зловещая ци сгущается у тебя на лбу. Побоялся, что ты сломаешься, хотел, чтобы ты хоть немного перевел дух...

Не успел он договорить, как пальцы Сюэ Линцзина мертвой хваткой сомкнулись на его горле. Взгляд главы школы, острый как лезвие клинка, впился в Шитоу:

— Врал, говоришь?

— Конечно, врал! — прохрипел Шитоу, отчаянно выпучив глаза. — Трехсотлетний ты младенец!

Тот не разжимал руки. В его потемневших глазах клубилась темная ярость. Он повторил:

— Ложь?

— Да! — задыхаясь, багровея лицом, выдавил Шитоу.

— Ложь?! — Пальцы сдавили горло Шитоу еще сильнее, причиняя резкую боль.

Мысленно осыпая главу всеми известными ругательствами, Шитоу едва прохрипел:

— Правда! Правда, чистая правда!.. Пусты уже!

Сюэ Линцзин наконец разжал пальцы. Шитоу тут же рыбкой выскочил в окно и теперь с опаской поглядывал на него из-за деревянной рамы.

Окутанный лунным светом глава школы казался совсем хрупким, беззащитным и одиноким — точно крохотная стрекоза, застывшая в холодной тени.

— Все это ложь, — тихо произнес он после долгого молчания.

— А то как же, — ночной воздух немного отрезвил Шитоу, и язык его больше не заплетался. — Разумеется...

Последние слова застряли у него в горле. Он с изумлением заметил, что глаза Сюэ Линцзина полны слез.

— Нет никакого особого чувства, — покачал головой Сюэ Линцзин. — Небеса чисты, точно зеркало, но груз на моих плечах слишком тяжел. Как бы высоко я ни поднимался на мече, я не нахожу покоя и не вижу небожителей.

— Ты плачешь... — Шитоу ухватился за раму и заглянул внутрь. — Может, тебя обнять?

Он спросил это лишь из вежливости, но глава Улина неожиданно подался вперед, прижался к нему через деревянную перегородку и уткнулся лицом в его плечо. Плечи Сюэ Линцзина мелко вздрагивали.

Лепестки персика, сорванные ночным ветром с ветвей, мягко опускались на его волосы. Бледное лицо порозовело от выпитого вина, и сейчас Сюэ Линцзин казался гораздо моложе своих лет.

— Ну надо же, — не сдержал улыбки Шитоу. — Стоило тебе выпить, как ты превратился в ребенка — то плачешь, то смеешься... Неужели у всех в Улине столь никудышный хмель?

Сюэ Линцзин молчал, лишь тихо и прерывисто дышал. В серебряном свете луны его ресницы казались прозрачными, точно крылья ночного мотылька.

— Помнишь, ты спрашивал, зачем я ступил на путь бессмертия? — заговорил он наконец, окончательно расслабившись и несвязно бормоча: — Все просто. Я лишь хотел пожить подольше... Когда я был простым смертным, моя жизнь проходила в веселых кварталах. Отец мой был бродячим воином, а мать — продажной девкой. Враги зарезали его прямо на глазах у беременной матери. Она родила меня совсем девочкой, а в двадцать лет сгорела от хвори... Да и не только она. Почти все, кто меня окружал, не доживали до двадцати. Кого-то увозили нарядными и чистыми, а возвращали уже разлагающимися трупами. Другие так и угасали в заведениях, откуда их тела выносили уже через несколько дней...

— Хм, — отозвался Шитоу. На его лице не отразилось жалости — он слушал затаив дыхание, словно ребенок, увлеченный сказкой.

Прислонившись к раме, Сюэ Линцзин бессмысленно смотрел перед собой затуманенным взором:

— Когда мне исполнилось десять, случился голод. Старая госпожа из богатого дома раздавала похлебку ради благой кармы. Увидев ее иссушенное, покрытое глубокими морщинами лицо, я решил, что предо мной чудовище, и закатил истерику. Хозяйка борделя зажала мне рот и жестоко избила. Тогда-то я впервые узнал, что человек, если судьба к нему благосклонна, может дожить до глубокой старости. — Он сделал еще один глоток прямо из горлышка. — Позже меня заметил учитель. От него я услышал, что заклинатели способны жить веками, сохраняя юность, а истинные бессмертные и вовсе равны вечностью небу и земле. С тех пор я поклялся во что бы то ни стало достичь просветления. А потом... потом на Переправе Персикового источника я случайно встретил великого владыку. Бессмертный владыка Се сказал, что у меня твердая воля и чистая душа, и предрек, что из всех учеников именно мне

суждено вознестись. Он лично назвал меня преемником на глазах у моего наставника.

— И у кого же из владык столь паршивый вкус? — расхохотался Шитоу. — Да он просто ослеп!

Сюэ Линцзин вскинулся и сердито воззрился на него:

— Не смей... не смей порочить имя владыки Се!

Шитоу лишь пожал плечами и прижал скрещенные пальцы к губам, безмолвно обещая молчать.

— Людская жадность не знает границ, — тихо продолжал Сюэ Линцзин, его голос становился все тише. — Обретя долголетие, я пожелал подарить его и другим. Мне хотелось, чтобы достойные люди жили как можно дольше. Поэтому, когда Цихэ взял в ученики Чжан Цифэна, я не стал противиться, хоть и видел, что у того нет ни таланта, ни чистоты помыслов. Кто же знал, что Чжан Цифэн окажется подлецом... И я, и этот Веер Светлого Зеркала — оба мы слепы. Сами сотворили себе кумиров и погрязли в глупых иллюзиях. Как с таким сердцем можно постичь Дао?

Эти слова заставили Шитоу насторожиться. Он отставил чарку и резко спросил:

— погоди. Почему ты не вмешался?

Застигнутый врасплох, Сюэ Линцзин растерянно моргнул:

— Что?..

Шитоу подался вперед и медленно, выделяя каждое слово, спросил:

— Что такого особенного было в этом Чжан Цифэне, раз ты позволил ему остаться в Улине?

<http://bllate.org/book/18360/1798440>